

Перечень писем из Грузии

Автор: Шишков Александр Ардалионович

Перечень писем из Грузии.

Ты непременно хочешь, друг мой, чтоб я описал тебе худо или хорошо мою поездку в полуденную Сибирь; так угодно тебе называть Грузию. - С удовольствием исполняю твое желание. Но не жди от меня ни Статистических замечаний, ни подробного описания торговли, земледелия и проч. Все это тебе слишком известно. Раскрой любую Географию, возьми новую Статистику нашего Государства, и я буду избавлен от труда повторять давно уже всем известное.

Начнем с того времени:

Когда в последний раз
Шлагбаум загремел цепями,
И понесла к рогатке нас
Повозка с борзыми конями!
Где в скучный расставанья час,
Готовясь в путь тяжелый дальний,
Я завтрак заказал прощальный.

Помнишь ли, друг мой, с каким чувством прощался я тогда с тобою и с прочими товарищами прежних радостей? Помнишь ли, как вы все наперерыв старались пожимать мне руку? Тогда, не смотря на притворное ваше хладнокровие, я видел ясно, что вы прощались со мною как бы на веки. — Ты едешь в Грузию, говорил мне добрый ***! тяжела дорога, тяжел климат, но тяжелее еще, милый брат, будет для тебя отдаление от людей, которых ты любить привык и которые тебя любить привыкли. — Выпьем, подхватил резвый Ч* * *, выпьем за здоровье оставляющего нас товарища. Пусть дни его будут светлы, как Шампанское в этом стакане. — Вы пили, и я хотел благодарить вас.

Но что ж? едва, друзья мои,
В стакане шумное аи
Заискрилось кипящей пеной;
Тяжелый вздох непринужденный
Из груди вырвался; и вдруг
Ваш твердый, неслезливый друг
Слезой, в глазах его дрожащей,
Взмутил стакан, вином кипящий....
Потом, стыдясь невольных слез,
Рукой я смелой чашу взнес,
И осуша ее трикраты,

Вздыхнул о счастье прежних дней,
И тем почтил моих друзей
И вас, хранители Пенаты!

Еще раз обнялись мы — и вдруг сиповатый голос моего Аргуса Иванова закричал : пошел! Я оглянулся назад и в облаках пыли, поднявшейся за колесами едва уже мог видеть, как ты махал белым твоим султаном в знак долгой, а может быть и вечной разлуки.

Печальны были мои мысли, голова моя кружилась; я ничего не видал около себя, ничего не слышал. И кто бы на моем месте был хладнокровнее? О если б я ехал путешествовать для того, чтоб, возвратясь на родину, раскрасить все мною виденное цветами собственного воображения; рассказывать о том, чего вовсе не было, и подобно нашим Иорикам, описывать каждую лужу кристалловидным, тихо-колеблющимся озером —каждый мужицкий дом щастливой хижинной Палемона и Вавкиды; и наконец на каждом шагу

Ронять, как новый Стерн,
Жемчужную слезу на шелковичный дерн:

то я был бы покоен. На хорошей, нетряской повозке едучи шагом, — а где вздумается, рысью, рассматривал бы я красоты или ужасы природы, и всегда бы вертелась в голове моей мысль: ты свободен возвратиться, когда захочешь. Но путешествовать на быстрых фельдгерских конях, без малейшего желанья путешествовать и не знать, когда возвратишься под сень родимой кровли, даже не иметь к тому ни малейшей надежды — это слишком жестоко!

— Не буду тебе делать никакого описания тех городов, чрез которые я не проехал, но промчался. Ни в одном из них, кроме Москвы, до самого центра Кавказской линии я не останавливался более часу, и ни в одном не видал ничего, кроме почтовых домов и станционных Смотрителей.

Трудно, не возможно было бы описать тебе чувства взволновавшие грудь мою, когда, на третьи сутки после моего отъезда, первые лучи солнечные засверкали на золотых верхах башен древней Столицы; столицы, где некогда царствовало изобилие с роскошью; столицы, колыбели духа Русского и любви к Отечеству. — Тут, думал я, возник свет просвещения, столь быстро разлившийся по России: тут Минин и с одра болезни привставший, слабый телом, но крепкий духом и твердостью Пожарский, с горстью сограждан ринулись в толпы хищников и вместе с знаменами их внесли обратно в Москву свободу и благоденствие. Но когда я вспомнил, что недавно опять ужас и опустошение в ней царствовали; когда представились моему воображению оскверненные храмы, девы поруганные и Москва, объятая пламенем: я содрогся, и румянец негодования заиграл на лице моем.

Остановясь в трактире у Баца, спешил я запереться в уединенную комнату, чтобы хоть немного отдохнуть; но сон от меня бежал, и мечты увлекли к любезным моему сердцу. — Большая часть из них представляла мне приятные минуты, которые проводил я в кругу откровенных приятелей. — Помнишь ли, друг мой, как в холодный зимний вечер, когда окна наши инджели от стужи и резкий ветер заставлял ставни скрипеть на их петлях, мы спокойно придвигали стулья наши к яркому камельку, с сухою пылающею березою? Ты делал меня поверенным и рассказывал о своих подвигах с довольною, даже иногда гордою улыбкою. - Какое щастие, сказал ты мне однажды, какое щастие быть любиму той, которую любишь! Как сладко находить в глазах обожаемой женщины тот же огонь, которым и сам пылаешь! — Так ты любишь не на шутку? спросил я тебя. — „Какой вопрос! люблю ли? я обожаю.“ —Положим, что ты уверен и в ее к тебе привязанности; но что поручится тебе за ее верность? может быть завтра же отдаст она другому щастливцу ту руку, которую сегодня позволяла осыпать тебе страстными поцелуями. Может быть то, что ты считаешь в ней любовью, не что иное, как сродное всякой женщине тщеславие, видеть у ног своих ползающих пленников: Поверь мне: я тебя опытнее, и меня не раз обманывали; и я не всегда затыкал уши, чтоб не слышать пение Сирены. - Но опыт и рассудок истребили пагубную легковёрность. Быть зрителем несравненно приятнее, нежели актером. Как спокойно смотрю я с берега на бурю и воспоминаю по время, когда и я также плывал на лодочке, и волны

кидали меня в правую и левую сторону! — Так говорил я тебе а ты с неудовольствием со мною простился. — Но что ж? чрез два дни ты вбежал в мою комнату, обнял меня и признался, что любовь без опытности не есть любовь, но заблуждение ослепленного воображения. — С тех пор мы простились с платоническою любовью, разрушили все волшебные замки, и Вертер полетел за окошко. — С тех пор снова подружился мы с Горацием, с Боало охуждали пороки, с Парни нежались в объятиях сладострастия, с Гомером взносились на вершину Иды. — Тогда

И гнев Агамемнона
И пылкий Ахиллес,
Ревнивая Юнона
И царь богов, Зевес;
Поколебавший небо
Трясением брады,
И молодая Гебо
И райские сады,
Где яблоки златые
Три девы молодые
Не знали как сберечь;
И Ахиллесов меч,
Шелом его пернатый,
И невредимы латы
От коней и мечей;
Искусною рукою
С Кипридой молодою
Запутанный Арей:
Все представлялось живо,
О друг любезный нам!
С Енеем мы щастливо
Летели к берегам,
Где пылкая Дидона
Владыку Илиона,
Как друга, приняла,
Ему и честь, и славу,
И сердце, и державу,
И руку отдала.
И мы рыдали с нею,
Когда во след Енею
Оставленная им,
То сердце, чем любила,

Дидона поразила
Кинжалом роковым!
С Овидием чудесным
Забывши смертных род,
Мы к жителям небесным
Мешались в хоровод;
И на Олимп высокий
С фантазией взлетя
Венеры черноокой,
Лелеяли дитя,
Там, гордыми очами
Окинув здешний мир,
Садилась мы с богами
За их веселый пир,
Где белыми руками,
Лил в чашу светлый Мед
Прелестный Ганимед! —

На рассвете я простился с Москвою, и в течении семи дней Тула, Воронеж и Черкасск промелькали в глазах моих белыми своими строениями. 19 го Мая был я уже на грязной улице главного города Кавказской линии, Георгиевска. Город сам по себе не стоит ни малейшего внимания, но занимателен для человека рожденного на Севере. Тут исчезает почти все Европейское. На улицах и около лавок толпятся люди в маскарадных костюмах.

Черкез, Бештовых житель гор:
Его орлиный страшен взор;
Колчан с пернатыми стрелами
Звучит за мощными плечами,
Ружье, кинжал и лук тугой
Натянут звонкой тетивой,
И черный ус колечком вьется,
И конь под ним, как вихрь, несется;
А там природы бедный сын,
Полунагий, но злобный вечно,
И вечно хищный Асетин
Гроза невинности беспечной.

Грузины, Армяне, Нагайцы, эти несчастные потомки воинов некогда страшного Чингис - Хана и множество других народов, населяющих Дагестан и вообще всю Азию, составляют чудесную пестроту для глаз Европейца. Ходя по Георгиевску, довольно редко слышишь Русский язык, потому что кроме военнослужащих

вовсе нет Русских, и Татарский язык, так сказать, господствующий. Переменив лошадей, мы поехали в Моздок, стоящий на берегу Терека. Долго я

любовался прелестною картиною, открывшеюся предо мною. — Граница, самую природою между Европой и Азией проложенная, хребет Кавказских гор, возвышается величественным амфитеатром за Терекон верстах во ста от Моздока. Снежные вершины его сливаются с облаками; черные тучи покрывают поверхность, и не редко из-под ужасных глыб снега разражаются громы и блещут молнии. — Чрез вершины сих страшных и некогда непроходимых гор проложена Русскими дорога в Грузию, с тех пор, как угодно было Царю Ираклию призвать войска наши для защиты земли своей от утеснявших ее Персиян. — С ужасом и нетерпением ожидал я той минуты, когда скажу: и я на вершине Кавказа! как вдруг Иванов прервал мои мечтания, сказав, что мы теперь еще не поедем в Грузию, а влево по Тереку до станицы Червленной, где имеет повеление представить меня Генералу Ермолову.....

От Моздока до Кизляра есть почтовая дорога, но она лежит в стороне; а ехавши на Червленную станицу, должно брать обывательских. У ворот нашего дома стоял какой-то ящик длинный, высокий, на двух скрипучих колесах; человек, одетый совершенно по Черкезски, правил парюю коней. — С удивлением сел я на такой экипаж, какого я не видывал с роду и который, казалось мне, несравненно удобнее для возки дров, нежели человека.

Между Кизляром и Моздоком поселены три рода Козаков: Моздоцкие, Гребенские и Терское Козачье войско, состоящее из 70 человек. Из всех их достойнее примечания Козаки Гребенские. — В последствии времени часто быв в их станицах, имел я случай довольно близко рассмотреть их. Хочешь ли, любезный друг, знать их родословную? сколько мог узнать по изустным преданиям, столько и расскажу тебе. —

Когда Ермак прежде покорения Сибири разбойничал с своею шайкою в степях, между Доном и Терекон лежащих, отделился от него, не знаю почему, но должно думать, по личным неудовольствиям один из его товарищей, по имени Андрей; с Козаками, к нему приспавшими, пошел он прямо к Тереку, переправился чрез него и верстах в 50 основал и поныне существующую деревню Андреевскую (Ендрей - Юрт). Необходимость принудила новопоселившихся искать дружбы окружавших их Татар. Тесную связь между ними укрепили Татарки, которых Козаки за себя брали. Между тем Андрей умер; на место его был выбран другой начальник, и дела шли по прежнему до тех пор, как пахатные места сделались причиною раздора между жителями Андреевскими и их соседями. Первые были слабее, последние притесняли их, и притесняли до того, что Козаки принуждены были оставить дома свои во власть сильных неприятелей, и удалясь поселиться по хребту Черных гор, Гребнем называемых. — Здесь они

жили иногда мирно с Чеченцами, новыми своими соседями, иногда кинжал и ружье решали их споры. Когда же идучи в Дербент, Петр Великий основал Кизляр, то объявляя и сим, некогда мятежным Козакам, милостивое прощение, вывел их с Гребня, поселил на левом берегу Терека и назвал Гребенскими Козаками.

Странно, почти не вероятно, что в продолжении столь долгого времени, живя почти совершенно отдельно от своих единоземцев, среди Татар, и тесным родством с ними связанные, Гребенские Козаки сохранили и до сих пор в полной мере не токмо древние нравы Русские, не одну слепую доверенность к вере предков, но даже и самые предрассудки. Они все без изъятия староверы и отличаются от прочих Козаков какою - то явною ненавистью к мирским людям; так называют они Християн нераскольников.

До сих пор управлялись они Атаманами, ими самими, из них же самих выбираемыми. Атаманы, почти всегда старые и следственно более других преданные предрассудкам отцев своих, всегда первым долгом и первою честью поставляли не только не искоренять заблуждений суеверия, но еще более и более укреплять их в народе. — Генерал Ермолов обратил на это особенное внимание. — Как Моздоцкие, так и Гребенские Козаки управляются ныне людьми, и по сердцу, и по уму, и по ранам их достойными уважения.

Домы Козаков и снаружи и внутри совершенно Русские, кроме больших сеней, стены которых обыкновенно украшены бывают снизу до верху тюфяками, коврами и парчевыми материями.

Главное достоинство женщин составляет трудолюбие и опрятность. — По крайней мере два раза в неделю моют они в домах своих не только полы, но даже потолки и стены. — Увидев Козачку в будничном ее платье, почтешь ее Азиаткою. Белая полотняная рубашка вздернута до колен, и оставляет прекрасные ноги на жертву жадным глазам любопытного. Платок на голове и Черкезское легкое полукафтаны покрывают плечи

и спину. — Но как хороши они в праздничных своих платьях, когда на площади, собравшись в хоровод, ласковым взором ободряют проворство и силу молодых Козаков, рыцарствующих вокруг их на легких конях!

—

Линейные Козаки довольно прилежат к землепашеству; но главную их промышленность составляют виноградные сады и рассаживание арбузов, которые здесь имеют вкус особенно приятный.

Переночевав в станице Червленной, рано по утру переправились мы на правой берег реки Терека и прибыли с конвоем 50 Гребенцов в отряд, стоявший под личную команду Генерала Ермолова, противу ущелья, Ханкале называемого. — Ущелье это служит, так сказать, воротами в леса, населенные Чеченцами или Мечегишами, народом диким, необузданным, едва имеющим веру, но никаких нравов, ничего, чтоб могло отличить его от дикого зверя. — Чеченцы образовались из разбойников, преступников, убийц, изгнанных из своего отечества и нашедших убежище в неприступных почти местах между снежными горами и Терекком. — Хлебопашество у них почти в пренебрежении, в бытность мою на линии, я видел множество примеров лютой сих зверообразных разбойников. Но не думай, чтоб и внутри своей деревни, в недрах самого своего семейства, Чеченец был покоен и безопасен. Ни днем, ни ночью не смеет он сделать шагу из дома без заряженного ружья, или остро-отточенного кинжала. Сосед враг соседу, сын отцу, брат брату. За малейший проступок, за самую пустую обиду извлекается кинжал или блесит шашка. Когда я был в отряде под Иси-су, одной из главной деревень их; то случилось, что там один сын убил отца за то, что сей последний не хотел ему дать покурить из своей трубки. Как ни ужасны таковые примеры, но не удивляют Чеченца.

Кровомщение у них во всей силе. — Если Чеченец бывает убит скрытым или явным образом, то все его родственники обязаны непременно искать случая отмстить смерть убитого кровью убийцы, или по крайней мере кого нибудь из его родственников. —

От искры загорается пожар и бывает причиною тому, что редко можно найти в целой Чечне два семейства, между собою согласные, или одного Чеченца, не боящегося руки мстителя.

Женщины не хороши, и с неприятною наружностью соединяют закоренелость нравов и нечто злобное. Упорны в нещастии, хладнокровны к радостям, они служат мужьям своим главным поощрением к злодеяниям. Ни одна девушка не даст руки своей мужчине, покуда он не принесет ей или часть пела убитого им иноверца, или нечто из его оружия, как знак своего проворства и храбрости. Даже соединясь с ним, поощряет его к смертоубийствам, и гордится пред другими женами числом преступлений своего мужа.

У них свой язык, совершенно отличный от Татарского и для слуха чрезвычайно неприятный.

Вот, друг мой, краткое начертание нравов того народа, в близи которого должен я был провести восемь месяцев.

Не думаю, чтоб нужно было описывать тебе жизнь мою на биваках. Такая жизнь не есть для тебя нечто новое. Давно ли и сам ты, закуренный дымом, покрытый потом и пылью, нес голову под ядра ополчений неприятельских. — Я почти то же делал в Чечне, что ты под стенами Лейпцига, или на высотах Монмартрских. То есть:

Когда прервется ратных сон,

И снова ясен небосклон,

И снова лагерь встрепенется;

Тогда твой друг к коню стрелой,

С уздечкой крепкою несется,

Звеня блестящей полосой.

Когда ж стан шумный облечется

Покровом тишины ночной;

Он, сброся ратные доспехи,

Поет товарищей успехи,
Поет минувших лет утехи
И пьет из чаши круговой,
И пьет из чаши он дотоле,
Что иль вина не станет боле,
Иль сил управиться с вином,
И после богатырским сном
Он засыпает в чистом поле. –

Не буду говорить тебе о Генерале Ермолове, прогремевшем по целому миру. И без моих похвал он велик; и без меня имя его давно любезно соотечественникам, и страшно врагам отечества. С первого взгляда заметил я, что его здесь все боится, как разрушителя грома и любит, как благотворное солнце.

Когда отряд наш под Чеченскими пулями окончил крепость Грозную на берегу Сунжи и сделал небольшую прогулку в Северный Дагестан, для приведения к покорству взбунтовавшихся жителей; тогда победоносные войска наши получили повеление возвратиться на зимние квартиры, а мне позволено было ехать в Тифлис. — Через несколько дней был я в Моздоке, и, соединясь с товарищами путешествия, запасся всем нужным, то есть: добрым тулупом, меховую шапку и достаточную порцией благотворного пенника. — Новые товарищи мои были люди преважные:

Один из них гусар старинный,
В отставке Ротмистр давних лет,
Чей ус густой, курчавый, длинный,
Взрощен средь браней и побед.
Через лоб, через нос, до верхней губы
Шрам на лице имеет он,
(За то в серебряные трубы
Его играет эскадрон. ;)
Другой, презревший тщетность славы
И пушек гром, и ядер свист,
Низкопоклонный сын Полтавы,
В суде уездном копиист;

третий был я. Познакомись с гусаром дедушкой было дело очень нетрудное. Несколько стаканов пуншу сделали нас столь же откровенными, как и старых приятелей. В продолжении целых двух часов говорил он без умолку о давно прошедшем, сравнивая его всегда с выгодной стороны с настоящим. Всякий раз, когда он начинал говорить о своей службе, о пуклях, за которые однажды вахмистр эскадрона, в котором он служил, посадил его на конюшню, о своем гнедом, о покойной жене и недавно разбитой им фаворитной трубке, которую он куривал часа по два сряду; когда, говорю я, толь сладкие воспоминания представлялись воображению моего рыцаря: то мало по малу морщины изглаживались с чела его, и маленькие глаза наполнялись огнем молодости. — Молча я его слушал и твердил про себя прекрасные стихи Дениса Давыдова. Картину эту довершал служитель Фемиды, который сидел противу Ротмистра в некотором отдалении, и когда гусар к нему обращался; вставал и изъявлял свое согласие низким поклоном, или

трепетал при каждом слишком громком выражении, что случалось довольно нередко.

Так провели мы вечер и на другой день чем свет переправились на ту сторону Терека, вместе с почтой. От Моздока и до самого Тифлиса не пускают одних проезжающих, а должны они непременно дожидаться почты и с нею следовать. — Это учреждено из предосторожности. Частые разбои Горских жителей и нападения их на караваны делают таковую предосторожность необходимою.

От Моздока и до Владикавказа, исключая некоторых мест, дорога почти вся гладкая. Первый пост Александровский, верстах в двух от Терека; второй Константиновка или Камбылейка, от так называемой речки, на которой построен; третий и последний Елисаветинской. — Он стоит на земле, принадлежащей малой Кабарде, краю недавно многолюдному и населенному храбрыми хищниками, которые набегами своими часто приводили в трепет Кавказскую линию. Теперь уже моровая язва опустошила ее до такой степени, что едва ли осталась пятая часть жителей. В отдаленнейших Аулах или деревнях она и доселе свирепствует.

Крепость Владикавказская служит ключом в Кавказские горы и преградою злобным намерениям Горцев. — Как самая крепость, так и предместье населены только одними военными, которые, имея уже тут постоянное и определенное жилище, завелись хозяйством и по большей части женаты. Дома их опрятны и почти что в Немецком вкусе. — Я ночевал в предместьи и провел очень приятно время в кругу почтенного семейства Инженер - Капитана Огарева. Гостеприимство и образованность его тем более имели для меня ценны, что я нашел их среди степей Кабардинских, у подошвы Кавказа.